

1-го Юля № 19-й. 1912 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНА ВѢДОМОСТЬ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Съѣздъ представителей братствъ Полтавской епархіи.

16-го мая въ зданіи епархіального женскаго училища Преосвященнымъ епископомъ Сильвестромъ, послѣ молебствія, былъ открытъ съѣздъ представителей церковныхъ братствъ Полтавской епархіи. Къ сожалѣнію, нужно отмѣтить то, что на съѣздъ прибыли представители лишь отъ 22 братствъ, тогда какъ послѣднихъ въ епархіи не меньше 100. Объясняется это непонятно-невнимательнымъ отношеніемъ благочинныхъ къ воззванію Совѣта Св. Макарьевского братства: изъ 95 благочинныхъ лишь не больше половины сообщили Макарьевскому братству, гдѣ имѣются и какія братства. Было же, какъ передавали намъ батюшки, не мало такихъ о. о. благочинныхъ, которые не сочли нужнымъ во-время оповѣстить подвѣдомственное духовенство (приглашенія Совѣтомъ Макар. Брат. разсланы въ половинѣ марта), и многіе священники узнали о братскомъ съѣздѣ уже post factum изъ частныхъ сообщеній.

Въ первомъ дневномъ засѣданіи предсѣдательствовалъ Преосвященный Сильвестръ; на слѣдующія засѣданія были избраны два предсѣдателя—протоіерей о. Григорій Лисовскій и протоіерей о. Іоаннъ Захаржевскій.

По предложенію Владыки, прот. Г. Лисовскій доложилъ собранію о мѣрахъ, принятыхъ совѣтомъ Св. Макара—а къ выполненію постановленій предыдущаго брат-

скаго сѣзда 1910 г.,—большая часть коихъ выполнена братствомъ (объ устройствѣ народно-миссіонер. курсовъ, объ изданіи братск. листковъ, о выработкѣ нормальнаго устава братства).

Въ связи съ прошлогоднимъ сѣздомъ заслушаны были сообщенія братчиковъ о распространеніи братствами листковъ и брошюръ,—при чемъ рекомендовано распространеніе Троицкихъ листковъ. Затѣмъ были заслушаны доклады подготовительной комиссіи, состоявшей изъ прот. Ѳ. Лазурскаго, прот. І. Захаржевскаго и свящ. Ѳ. Будовскаго. Первый докладъ—о борьбѣ съ хулиганствомъ. Послѣ обмѣна мнѣніями окончательное постановленіе по нему отложено было до вечерняго засѣданія, гдѣ протоіерей І. Захаржевскій имѣлъ сдѣлать обстоятельный докладъ по этому вопросу и ознакомить съ мѣрами, какія намѣчены уѣздными земскими собраніями для борьбы съ хулиганствомъ.

Въ вечернемъ засѣданіи, заслушавъ докладъ прот. Захаржевскаго, собраніе признало необходимымъ усиленіе пастырскаго вліянія путемъ живого слова въ церкви и внѣ ея, привлеченіе молодежи въ члены братствъ, совершеніе по селамъ вечернихъ службъ,—если не всеобщихъ бдѣній, то хотя малыхъ вечерень,—наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, чтобы народъ не забывалъ о святости праздничныхъ кануновъ (для примѣра было указано на повсемѣстное установленіе у католиковъ звона на «ветчеръ», какъ знака прекращенія работъ и совершенія вечернихъ молитвъ); посѣщеніе учащими и учащимися всѣхъ школъ церковныхъ службъ; устройство чтеній съ туманными картинами, организація музыкальных, пѣвческихъ и спортивныхъ (военный строй, гимнастика, потѣшныхъ и пр.) кружковъ молодежи; расположеніе родителей къ тому, чтобы они не посылали на заработки подростковъ, гдѣ они безъ поддержки близкихъ нравственно гибнутъ; устройство въ общественныхъ мѣстахъ, а особенно тамъ, гдѣ собирается молодежь, передвижныхъ бібліотекъ, витринъ съ вывѣшиваніемъ въ нихъ листковъ, направленныхъ противъ главныхъ недуговъ молодежи: пьянства, сквернословія, непочтительности къ старшимъ, игры въ карты и пр. Равно признано необходимымъ ходатайствовать въ надлежащемъ порядкѣ 1) о

сохраненіи во всей силѣ закона о христіанской прислугѣ у евреевъ для огражденія ея отъ нравственной порчи; 2) о закрытіи по городамъ и мѣстечкамъ въ особенности пивныхъ въ воскресные и праздничные дни; 3) объ изданіи г. губернаторомъ обязательныхъ постановленій о привлеченіи къ отвѣтственности за разгулъ, ночныя гульбища, пьянство въ общественныхъ мѣстахъ, за содержаніе при тоновъ карточной игры, разврата и др.—По возбужденному въ собраніи вопросу о воспрещеніи работъ въ воскресные и праздничные дни собраніе высказалось за необходимость ходатайства о полномъ прекращеніи работы,—что только и отвѣчаетъ христіанскому пониманію праздника,—а также примѣра братчиковъ въ данномъ отношеніи

Дальше собраніе высказалось за необходимость закрытія по всей губерніи базаровъ въ воскресные и праздничные дни, путемъ общественныхъ и приходскихъ приговоровъ и ходатайствъ о томъ предъ земскими собраніями.

Коснулось собраніе и вопросовъ о продажѣ иконъ на базарахъ, изготовленіи евреями крестовъ и могильныхъ христіанскихъ памятниковъ, сдачъ евреямъ построекъ и ремонтовъ церквей,—высказавшись, что необходимо принимать мѣры къ устраненію этихъ ненормальностей. Шла рѣчь о борьбѣ съ большимъ зломъ общественной жизни—тайной продажей водки. Какъ мѣра борьбы, указано ходатайство о повышеніи наказуемости за то, а также просьбы къ комитетамъ трезвости о пособіяхъ братствамъ на устройство чайныхъ, читаленъ и др. разумныхъ развлеченій.

Собраніемъ выражено пожеланіе, чтобы братства, особенно сестричныя, были открыты по возможности при всѣхъ приходсахъ, почему рѣшено, съ согласія епархіальнаго начальства, обратиться съ соотвѣствующимъ воззваніемъ къ духовенству и населенію. Выражено также пожеланіе, чтобы уѣздными протоіереями были созываемы уѣздные братскіе съѣзды.

17 мая въ 3 ч. дня, по возглашеніи многолѣтій Владыкамъ, предсѣдателямъ съѣзда, членамъ подготовительной комиссіи и всѣмъ братчикамъ, съѣздъ былъ закрытъ.

Пожелаемъ, чтобы епархіальное духовенство удѣляло побольше вниманія такимъ жизненно необходимымъ и полезнымъ организаціямъ, какъ братства.

Братчикъ.

Нѣсколько словъ о духовной литературѣ для народа.

Въ борьбѣ съ невѣріемъ и зломъ, напирающими со всѣхъ сторонъ въ народныя массы, духовенствомъ во многихъ мѣстахъ дѣлаются постановленія: выписывать для раздачи народу вѣроучительныя и назидательныя изданія.

Цѣль добрая, и дѣло необходимое, но оно не такъ просто и легко. Чего бы и лучше: выписалъ, роздалъ—спокоенъ и правъ. Нѣтъ, тутъ нужно много разборчивости и осмотрительности, чтобы розданное не было очками для слѣпыхъ или обоюдоострымъ мечемъ, отъ котораго послѣднее можетъ быть горше перваго.

Для характеристики приводимъ мѣста изъ нѣкоторыхъ изданій.

Вотъ одинъ народный листокъ начинается: Хочу *передать* одно *событіе*, какъ поучительный *фактъ* для тѣхъ простолюдиновъ (только?) которые *ставятъ выше* всего временное свое *благосостояніе*.... Читатели изъ опыта и изъ «Еп. Вѣд.» (1899 г. №№ 14—15) знаютъ, какъ народъ нашъ понимаетъ слова по реальному представленію, или по созвучію: домашнія животныя—«батько та маты» (дома живутъ); родина—погребъ или сарай (гдѣ родился); черты—«чорты»; мытарь—„мотарь, мошенникъ, а може и разбойникъ“, и т. п. Поэтому и приведенные термины—«фактъ», „ставятъ“, которые такъ ясны развитому, для народа—«темна вода во облацѣхъ», и не вызоветь ни представленія, ни чувства, оставаясь недоступнымъ народу словоизверженіемъ того, кто не знаетъ ни нашего народа, ни его жизни, ни души и языка.

А вотъ листокъ другого изданія глаголетъ: «*Съмя* всего *нравственнаго зла—самолюбіе*. Оно *лежитъ* на *самомъ днѣ* сердца. Человѣкъ... *освящая* свою *дѣятельность возношеніемъ* ея, какъ *благодарственной жертвы*, къ Богу, долженъ бы всю ее *простирать*» (въ водѣ?).... и т. д. Какое вразумленіе вынесутъ отъ этихъ превыс-

пренныхъ словесъ читающіе по складамъ, а разумѣющіе еще меньше?

Беремъ еще, иного изданія, и читаемъ: «Глубоко—назидательно для современныхъ отрицателей заищаніе популярнаго нѣмецкаго медика»....

Въ слѣдующемъ: «Ваша вѣра (а не наша?) смущается пустыми умствованіями непрошенныхъ просвѣтителей... Они, подобно тѣмъ, о которыхъ еще пророкъ и псалмопѣвецъ Давидъ сказалъ: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ—нѣсть Богъ (Псал. 52, 2), отрицаютъ «Бога Живаго», стараясь найти оправданіе своему невѣрію ссылками на мнимо—научныя данныя и ссылкой на естественныя науки, изслѣдующія міръ естественныхъ явленій природы. Обычно естественники любятъ щеголять... религіознымъ индифферентизмомъ“.... и т. д. Все это такія построенія и выраженія, въ которыхъ малограмотный деревенскій простолюдинъ запутается и ничего изъ нихъ не вынесетъ.

Но будемъ считать, что эти листки изданы не для нашего сѣраго люда. Ну, и пусть! для кого изданы, тотъ пусть и читаетъ. А нашимъ—что?

Вотъ листокъ о землѣ,—самое больное мѣсто для нашего народа. И такъ онъ говоритъ: „Такъ называемое освободительное движеніе обзявило переоцѣнку существующихъ цѣнностей“ и широко пустило ее въ народъ. Прокламаціи, книжки, газеты разносили и разносятъ эту переоцѣнку даже и по медвѣжьимъ угламъ великой Руси. И деревня наша узнала такую истину: «земля, какъ воздухъ и вода, ничья, а Божья. Богъ—отецъ всѣхъ людей, поэтому и земля всѣмъ людямъ принадлежитъ, а не отдѣльнымъ собственникамъ ея. Кто теперь не имѣетъ ея, бери (отнимай) у имущаго. Грѣха тутъ нѣтъ... Народъ нашъ еще религіозенъ. На этой стрункѣ и играли и играютъ агитаторы». Прямо страшно дать такой листокъ въ руки. Прочитавъ въ самомъ началѣ такія вожделѣнныя «истины» о землѣ, нашъ читатель прежде всего горячо проникнется ими. Дальнѣйшія опроверженія, изложенныя такими выраженіями какъ: «коммунальныя начала», «община сьорганизовалась», «притязанія коммунизма, социализма, терроризма» и т. п.,—уже не произведутъ должнаго впечатлѣнія и вразумленія. Да и проч-

тутся ли эти опроверженія? Въ одной хатѣ, среди шума семьи, среди хозяйственныхъ дѣлъ, деревенскій чтець не сразу прочтетъ листокъ, до конца, а до перерыва дѣломъ, до разсѣянія вниманія. Прочтетъ первое положеніе, — оно и запало ему, а прочтеть-ли когда нибудь дальше — нельзя угадать. Тогда и вѣдайся?

Вотъ изданія о трезвости съ обвиненіями народа въ невоздержаніи, въ которомъ народъ такъ виноватъ, какъ и общество, отравляемое ядовитой литературой, въ чемъ виновенъ не тотъ, кто на этотъ ядъ нарыбается, а кто его фабрикуетъ и подставляетъ, на что жалуется и сѣтуетъ народъ повсемѣстно. Такъ что всѣ обвиненія въ этихъ изданіяхъ направлены не по адресу и отдають донкихотствомъ. Обвинить село конечно легче, чѣмъ освободить отъ винной лавки. И вотъ, вмѣсто прямого радикальнаго дѣла, мы видимъ слова, слова, и слова — до тошноты. Тогда какъ народъ говоритъ ясно: «Еслибы ее не было, никто и не употреблялъ бы». Нужно *одно* дѣло, а не вороха словъ.

Вотъ въ одномъ изъ пастырскихъ журналовъ странная статья: «Что думать о Лицѣ Иисуса Христа?» Развѣ нѣтъ символа вѣры? Есть древнее правило: «Не такъ вѣруй, какъ думаешь, а такъ думай, какъ вѣруешь». Вѣра шире и свободнѣе разума, ограниченнаго естествомъ мозга. Еслибы мы свои отправления ограничивали предѣлами нашихъ душъ, то мы додумались бы до скотоподобія. Разъ у насъ есть живое исповѣданіе вѣры, зачѣмъ пастырямъ еще посужденіе — что думать? Неужели, проповѣдуя вѣру народу, они сами ея не имѣютъ, и имъ предлагаютъ еще думать? Самое это названіе статьи коробитъ христіанское чувство предъ Господомъ Спасителемъ, Котораго видѣлъ уже праведный Іовъ, а мы не знаемъ, что думать о Лицѣ Его. Что же мы проповѣдуемъ? А что, если эта статья, предназначенная для сельскихъ читателей, попадается простолюдину? Кто хочетъ понять вредъ подобныхъ произведеній, пусть прочтетъ факты въ трудѣ французскаго философа Гюйо «Безвѣріе будущаго». Печальное знаменіе времени!

Таковы бываютъ листочки и книжицы. А давать духовную пищу народу все-таки нужно. Помимо потреб-

ности времени, народъ жаждетъ слова Божія, назиданія и вразумленія. Откуда же взять ихъ для широкаго распространенія? Для этого было бы полезно, чтобы каждый благочиннической округъ назначалъ своимъ пастырямъ назидательныя наставленія на темы обще-христіанскія, нравственныя и мѣстныя. Правда, тяжела доля пастырей! вмѣсто прямого пастырскаго дѣла, изгибаясь въ дугу подъ давленіемъ нужды, требованій народа и налоговъ, не всякій и не всегда можетъ изготовить къ сроку назначенное поученіе; но во всякое время найдутся въ округѣ нѣсколько лицъ, которымъ въ данное время свободнѣе,—тѣмъ и писать, а потомъ очередь за другими. Это вызывало бы соревнованіе и развивало дѣло проповѣдничества.

При изложеніи этихъ назиданій можно поставить три требованія. 1—Чтобы они были просты по языку и согрѣты живымъ чувствомъ. 2—Чтобы каждая часть статьи носила законченное назиданіе, не вызывающее широковѣщательныхъ доказательствъ и изысканій въ дальнѣйшемъ содержаніи, до котораго деревенскій «читака» можетъ и не добраться. 3—Чтобы назиданія были жизненны. Наша славянская раса отличается свойствомъ безмолвно страдать и умирать; таковъ и русскій народъ. Но при такой склонности мы въ жизни можемъ не додѣлывать многого, что могли бы сдѣлать, а не сдѣлавши здѣсь, въ загробной жизни ужъ не додѣлаемъ. Поэтому необходимо въ назиданіе вносить жизненность, дѣловитость, бодрость духа, высокую оцѣнку самой жизни, живой отвѣтъ на живую картину.

Такія произведенія по благочинническому округу слѣдуетъ издавать для распространенія въ приходахъ округа, какъ отвѣчающія мѣстному народу и мѣстнымъ явленіямъ, какъ живой руководственный голосъ Церкви среди современныхъ обуреваній.

А на выписныя изданія положиться нельзя.

Священникъ Василій Романовъ.

Чинъ встрѣчи преосвященныхъ архіереевъ при посѣщеніи ими церквей.

Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики“ краткое руководство о томъ, какъ совершать встрѣчу преосвященному при ревизіи имъ подвѣдомственныхъ ему приходскихъ церквей. Нельзя не признать такого руководства весьма полезнымъ особенно для провинціального духовенства, которому рѣже, чѣмъ городскому, приходится видѣть архіерейское богослуженіе, рѣже также приходится и встрѣчать ревизующаго епископа, а потому сельскій священникъ не всегда бываетъ въ точности знакомъ съ чиномъ архіерейской встрѣчи. Указанная-же выше книга „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ“, какъ изданіе неофициальное, имѣется не въ каждой церкви и не у каждаго священника. Когда въ глухую провинцію достигаетъ извѣстіе о возможности пріѣзда преосвященнаго, сельскимъ духовенствомъ овладѣваетъ волненіе. Да и какъ не волноваться? Священникъ является отвѣтственнымъ лицомъ за религіозно-нравственное состояніе своего словеснаго стада, за благоустройство храма, за письменную отчетность—статистическую и денежную, за исправное состояніе церковноприходской школы и т. д. Если къ этому прибавить неумѣнье и незваніе, какъ совершить въ храмѣ самую встрѣчу владыкъ, то волненіе священника предъ посѣщеніемъ епископа станетъ вполне понятнымъ. Прихожане съ участливой жалостью глядятъ на своего батюшку, который, въ ожиданіи владыки, тревожно суетится въ церкви и осматриваетъ всюду, не случилось-бы какого безпорядка; наблюдаютъ прихожане и то, какъ, при вступленіи архіерея въ храмъ, ихъ батюшка стоитъ ни живъ—ни мертвъ, блѣдный, какъ полотно, а руки его, держація блюдо съ крестомъ, дрожать, отъ волненія—ходятъ ходуномъ. Такой видъ священника подавляюще дѣйствуетъ на окружающихъ. Обыкновенно кто—нибудь изъ духовныхъ лицъ, сопровождающихъ владыку въ его путешествіи, прибываетъ въ церковь заранѣе и наскоро сообщаетъ священнику порядокъ встрѣчи. Но могутъ-ли удержаться эти указанія

въ озабоченной памяти? Они улетучиваются съ такой-же быстротой, съ какой и сообщаются, и священникъ при встрѣчи попрежнему остается безпомощнымъ. Нерѣдко случается, что владыка самъ, войдя въ храмъ, тутъ-же подсказываетъ встрѣчающему, что нужно говорить и какъ дѣйствовать, и дѣлаетъ это всегда почти отечески, кротко, но эта помощь, исходящая отъ лица, хотя и благожелательнаго, но все-же начальственнаго, облеченнаго высокимъ саномъ и властію, часто еще больше смущаетъ и безъ того растерявашагося священника. Заблаговременное и основательное знакомство съ чиномъ и порядкомъ встрѣчи многихъ изъ іереевъ избавило-бы отъ неприятныхъ и крайне вредныхъ для здоровья волненій. Твердость въ знаніи порядка встрѣчи епископа можетъ быть полезна еще и въ другомъ отношеніи. Извѣстно, что человѣкъ, дѣлающій свое дѣло увѣренно и спокойно, производитъ несравненно болѣе выгодное впечатлѣніе, чѣмъ тотъ, кто за дѣломъ волнуется и суетится безъ толку. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о священникѣ при посѣщеніи его храма архіереемъ. Священникъ, хорошо знающій порядокъ встрѣчи, увѣренный, когда и что нужно дѣлать, произведетъ несомнѣнно доброе впечатлѣніе, и уже однимъ своимъ спокойнымъ видомъ можетъ и другимъ внушить убѣжденіе въ томъ, что и въ остальныхъ частяхъ его служебной дѣятельности господствуетъ желательный порядокъ.

Приснопамятный московскій святитель, митрополитъ Филаретъ, видѣвшій на своемъ вѣку всякаго рода дѣлаемые ему при посѣщеніи церковей встрѣчи, наблюдалъ также и безпомощность подвѣдомственнаго ему духовенства въ этомъ отношеніи. Желая придти на помощь своей паствѣ и установить однообразіе, онъ составилъ особый „чинъ“ для встрѣчи преосвященныхъ и распорядился объявить его духовенству чрезъ посредство духовной консисторіи. Приводимъ этотъ чинъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ названномъ выше сборникѣ.

1., „При приближеніи архіерея къ церкви начинается звонъ, который прекращается уже по вступленіи архіерея въ церковь.“

2., „Священникъ въ полномъ облаченіи отверзаетъ

царскія двери и съ крестомъ на блюдѣ, покрытомъ воздухомъ. выходитъ къ западнымъ дверямъ въ предшествіи діакона (въ облаченіи) съ кадиломъ и причетниковъ въ стихаряхъ (если посвящены) съ подсвѣчниками.“

3., „Когда архіерей приложится къ кресту, священникъ предшествуетъ ему и, внесши крестъ въ алтарь, полагаетъ его на престолъ безъ блюда, ожидая на сторонѣ престола вступленія архіерея въ алтарь, послѣ чего священникъ или діаконъ затворяетъ царскія двери.“

4., „Священникъ, развѣвъ на престолѣ св. антиминсъ, поставляетъ св. Дары и миро въ сосудахъ, въ которыхъ они хранятся. Послѣ того, какъ архіерей осмотритъ св. Дары и миро, священникъ ставитъ ихъ на свое мѣсто и свиваетъ антиминсъ.“

5., „Если архіерей посѣтитъ церковь во время утрени или вечерни, служба не прекращается.“

6., „По выходѣ архіерея изъ церкви звонъ возобновляется.“

Въ этихъ шести параграфахъ и заключается весь чинъ встрѣчи, составленный мсковскимъ святителемъ.

Съ теченіемъ времени приведенное краткое руководство, составленное еще въ 1841 году, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Остались безъ перемѣны §§ 1, 5 и 6-й; остальные-же, т. е. §§ 2-й, 3-й и 4-й дополнены разъясненіями, которыя помѣщены въ сборникѣ тутъ-же подъ соответствующими параграфами руководства и обоснованы ссылками на книгу авторитетнаго знатока церковнаго устава прот. Никольскаго—„Пособіе къ изученію устава богослуженія.“ Приводимъ и самыя эти дополненія, какъ сохраняющія силу руководственныхъ указаній и въ нынѣшнее время. Послѣ § 2-го прибавлено:

„Священникъ обыкновенно встрѣчаетъ архіерея не въ полномъ облаченіи, а только въ епитрахили и фелони; діаконъ (если есть) долженъ имѣть въ правой рукѣ кадило, а въ лѣвой возженную свѣчу; одинъ изъ причетниковъ, или служитель, долженъ стоять со св. водою.“*)

Разъясненіе § 3-го заключается въ слѣдующемъ:

*) Въ Востъ почившій преосвященный епископъ Иларіонъ былъ весьма доволенъ, когда св. воду въ сосудѣ держалъ при встрѣчѣ кто-либо изъ учениковъ церковной школы, облаченный въ стихарикъ.

„Послѣ того, какъ архіерей положить св. крестъ обротно на блюдо, священникъ съ симъ блюдомъ не входитъ въ алтарь, а останавливается около амвона. Въ то время, какъ архіерей идетъ отъ западныхъ дверей къ алтарю поклониться мѣстнымъ иконамъ и входитъ въ самый алтарь, причастники поютъ тропарь храмовому святому или празднику; *) затѣмъ діаконь, а если его нѣтъ, то священникъ—возглашаетъ сугубую ектенію—ту самую, которая положена на простодневной утрени предъ шестопсалміемъ. Священникъ же дѣлаетъ возгласъ и отпущекъ. Наконецъ, если архіерей потребуетъ, діакономъ или священникомъ возглашается многолѣтіе Августѣйшей Фамиліи, Святѣйшему Синоду, самому преосвященному и паствѣ. И уже послѣ многолѣтія, принявши крестъ отъ архіерея, священникъ вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ алтарь.“

Къ § 4-му внесено такое разъясненіе: „Предъ встрѣчею архіерея, священникъ долженъ освободить св. антиминсъ, поставивъ лежащее на немъ евангеліе, какъ обыкновенно, между антиминомъ и дарохранительницею. Но самого антимиуса раскрывать заранѣе не слѣдуетъ; раскрывается онъ уже по входѣ архіереемъ или, по его приказанію, священникомъ. Если преосвященный пожелаетъ осмотрѣть св. Дары, священникъ вынимаетъ ихъ конечно не иначе, какъ предварительно надѣвъ поручи.“

Въ концѣ всѣхъ параграфовъ поставлено общее разъяснительное примѣчаніе такого содержанія: „Во времени посѣщенія церкви епархіальнымъ архіереемъ, каждый приходскій священникъ долженъ приготовить всѣ церковные документы, *) собрать ихъ всѣ вмѣстѣ и положить ихъ въ ризницѣ или въ алтарь на видномъ мѣстѣ, чтобы можно представить ихъ на разсмотрѣніе преосвященнаго по первому его требованію. Наконецъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вмѣстѣ съ церковными документами при-

*) Обыкновенно принято пѣть „Достойно есть...“ такъ называемое— „архіерейское,“ или же ирмосъ девятой пѣсни, если дѣло происходитъ въ періодъ времени до отдачія праздника, имѣющаго попразднество.

*) Тѣ самыя, какіе представляются благочинному при годовой отчетности, а именно: приходо-расходную книгу, обыскную—съ документами, исповѣдную, пастырскій журналъ, журналъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, церковную лѣтопись, опись церковнаго имущества, каталогъ церковныхъ книгъ, братскую и вѣнчиковую тетради и другіе.

ходскіе священники обязаны представлять преосвященному записку о своей пастырской дѣятельности за минувшій годъ, при чемъ обыкновенно прилагаются всѣ проповѣди и поученія священника, сказанныя имъ въ своей приходской церкви въ продолженіе отчетнаго года.“

Этимъ и заканчиваются разъясненія и дополненія къ чину встрѣчи преосвященныхъ архіереевъ.

Вслѣдъ за этимъ краткимъ руководствомъ въ сборникѣ напечатано указаніе на „особенности въ службахъ, совершаемыхъ въ присутствіи неслужебнаго архіерея.“ Названные особенности также не бесполезны для свѣдѣнія каждаго приходскаго священника и потому пользуемся случаемъ привести ихъ полностью.

„Когда священникъ имѣетъ служить въ присутствіи архіерея, онъ долженъ:

1., Ожидать архіерея въ церкви въ соотвѣтствующемъ облаченіи, т. е. въ епитрахили и фелони на всенощномъ бдѣніи и въ полномъ облаченіи на литургіи.

2., При входѣ архіерея въ церковь, немедленно принять у него благословеніе.

3., Если имѣетъ быть отправлено всенощное бдѣніе, то предъ началомъ каждаго священникъ подноситъ кадило для благословенія къ архіерею. Такъ поступаетъ священникъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда имѣетъ совершать каденіе, какъ на всенощномъ бдѣніи, такъ и на литургіи и на прочихъ всѣхъ службахъ. Но діаконъ, сослужащій священнику, испрашиваетъ благословеніе предъ каденіемъ не отъ архіерея, а отъ священника, который, благословляя кадило, произноситъ соотвѣтствующую молитву. Діаконъ кадитъ сначала архіерею, а затѣмъ священнику. Архіерею полагается кадитъ въ началѣ трижды по трижды, а по совершеніи—только трижды.

4., На службахъ часовъ, повечерія, полунощницы священникъ возглашаетъ: *Молитвами святаго владыки нашего Господи Исусе Христе и проч.*

5., На литургіи предъ чтеніемъ евангелія, діаконъ беретъ благословеніе у іерея; но, взявъ св. евангеліе отъ св. трапезы, идетъ къ епископу и испрашиваетъ отъ него благословеніе. Епископъ самъ молитву глаголетъ и благословляетъ главу его. Іерей, стоя позади св. трапезы, зря

къ людямъ, возглашаетъ: *Премудрость прости...* (Служебникъ Петра Могилы).

6., По прочтеніи евангелія, діакопъ идетъ къ епископу съ евангеліемъ; епископъ лобызаетъ евангеліе. Діакопъ, поклонившись ему, отходитъ къ царскимъ вратамъ. Іерей же, придя отъ горняго мѣста къ царскимъ вратамъ, пріемлетъ св. евангеліе, тихо говоря: *Миръ ти благовѣствующему* (по служебнику Петра Могилы.).

7., При пѣніи херувимской пѣсни, входя въ алтарь, священникъ поминаетъ архіерея: *Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.*

8., Послѣ пріобщенія св. Тайнъ, священникъ или діакопъ подноситъ архіерею антидоръ и теплоту.

9., По окончаніи службы, священникъ принимаетъ отъ архіерея благословеніе и разоблачается по его выходѣ изъ храма, а если разоблачается раньше выхода—то не иначе, какъ съ разрѣшенія владыки.“

Въ заключеніе приводимъ выписку изъ наставленія о томъ, какъ совершать звонъ въ томъ храмѣ, гдѣ архіерей имѣетъ совершать божественную Литургію. Вотъ это наставленіе:

„За полъ-часа до прибытія архіерея начинается благовѣсть; при приближеніи архіерея къ храму бываетъ звонъ во всѣ колокола; затѣмъ, по вступленіи архіерея въ храмъ, снова продолжается благовѣсть, а при началѣ часовъ—прекращается. Трезвонъ началу Литургіи бываетъ на шестомъ часѣ, во время чтенія псалма „Живыи въ помощи Вышняго...“, или въ самомъ концѣ этого часа.“

Св. I. М.

Краткій историческій очеркъ хилиазма.

(Продолженіе)

IV.

Въ XVI в. хилиастическія идеи развиваются на почвѣ анабаптистскаго движенія и выражаются въ попыткахъ возстановить тысячелѣтнее царство Христово, которыя предпринимались пророками анабаптизма: Ѡмой Мюнцеромъ и Іоанномъ Лейденскимъ.

Движеніе анабаптистовъ стоитъ въ связи съ реформаціоннымъ движеніемъ, возбужденнымъ Лютеромъ. Лютеръ, провозгласивъ односторонній субъективный принципъ оправданія одною вѣрою, устранялъ всякія внѣшнія средства въ дѣлѣ спасенія и ставилъ вѣрующихъ въ прямое непосредственное отношеніе къ Богу. Но питаемая имъ увѣренность каждаго въ своей особой близости къ Богу, въ непосредственномъ таинственномъ общеніи съ Нимъ способствовала развитію мистицизма, сопровождавшагося откровеніями, видѣніями, пророчествами и многочисленными фактами экстаза. Такимъ образомъ, практическое примѣненіе Лютерова принципа послужило толчкомъ къ возбужденію крайнихъ мистико-мечтательныхъ движеній, которыя и выразились въ анабаптизмѣ.

Названіе анабаптистовъ или перекрещенцевъ дано было ихъ протестантскими противниками за то, что они отвергали крещеніе дѣтей и вновь крестили переходящихъ къ нимъ, на каковое крещеніе противники смотрѣли, какъ на перекрещенство. Но въ основѣ анабаптизма лежали мечтательныя идеи о всеобщемъ духовномъ характерѣ христіанъ и о непосредственномъ озареніи отъ св. Духа.

По мнѣнію Николая Штора, одного изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Лютера, отрицавшаго крещеніе младенцевъ на томъ основаніи, что они не имѣютъ сознательной вѣры, „вдохновеніе, ниспосланное свыше, озареніе внутренняго существа человѣка свѣтомъ истины должны опредѣлять поведеніе христіанина“ ¹⁾. Исходнымъ пунктомъ Оомы Мюнцера было ученіе, что Богъ непосредственно изрекаетъ Свое слово во внутренность души и человѣкъ чрезъ это обожествляется Богомъ ¹⁾.

Увлекаемые порывами мистическаго экстаза, анабаптисты хвалились своимъ болѣе высокимъ духомъ, выдавали себя за пророковъ и апостоловъ, рассказывали о своихъ откровеніяхъ, видѣніяхъ и бесѣдахъ съ Богомъ. По ихъ мнѣнію, церковь вскорѣ должна была получать преобразование отъ человѣка большаго, чѣмъ Лютеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ совершиться переворотъ и во

¹⁾ Еп. Алексій. Религіозно-раціоналистическое движеніе на югѣ Россіи во второй половинѣ XIX в. Казань 1900 г. 3 с.

²⁾ Робертсонъ — и Герцогъ, с. 601,

всемъ гражданскомъ устройствѣ, всѣ нечестивые будутъ уничтожены и на землѣ водворится видимое царство Христово. Они были серьезно убѣждены, что наступили послѣдніе дни и близко второе пришествіе Іисуса Христа. Явившись на землю, Іисусъ Христосъ уничтожитъ царство антихриста, подѣ которымъ они разумѣли папство, и создастъ новое царство изъ „истинно-вѣрующихъ“ или „святыхъ“, каковыми они считали самихъ себя²⁾). На этой почвѣ и возникаютъ попытки вожаковъ анабалтизма, Тома Мюнцера и Іоанна Лейденскаго, возстановить „Сіонское царство“.

Воспитанный на сочиненіяхъ средневѣковыхъ мистиковъ, знакомый съ идеями Іоахима Флорійскаго, Тома Мюнцеръ открыто объявилъ себя пророкомъ приближающагося царства Божія. Существенный характеръ этого царства опредѣлялся проповѣдью Мюнцера объ экономическомъ равенствѣ, общности имѣній, объ освобожденіи отъ всякихъ податей и отъ тиранніи властей. Въ Мюльгаузенѣ, подѣ влияніемъ проповѣди Мюнцера, сенаторы были изгнаны, и власть была ввѣрена „Христіанскому Сенату“, составленному изъ приверженцевъ пророка. Сдѣлавшись такимъ образомъ диктаторомъ Мюльгаузена, Мюнцеръ отдавалъ распоряженія вооруженной черни: храмы были разрушены, монахи изгнаны, церковное имущество разграблено. Былъ составленъ списокъ послѣдователей Мюнцера и всѣ, кто отказывался внести въ него свое имя, изгонялись изъ города. Въ тоже время соціальныи строй былъ распатанъ до основанія: всѣ имущества были снесены въ одно мѣсто, и Мюнцеръ распредѣлялъ ихъ между своими послѣдователями. Но скоро награбленные богатства, благодаря расточительности необузданной черни, стали приходиться къ концу. Между тѣмъ всѣ округа, смежные съ Мюльгаузеномъ, были приведены въ возмущеніе: во многихъ деревняхъ почти все населеніе, способное носить вооруженіе, оставило свои жилища и устремилось по стопамъ пророка. Во главѣ 18-тысячной толпы вооруженныхъ крестьянъ, Тома Мюнцеръ пытался распространить царство Божіе за предѣлами Мюльгаузена; но былъ разбитъ соединен-

1) Еп. Алексій. 43 с.

ными войсками нѣмецкихъ князей въ битвѣ при Франкенгаузенѣ и обезглавленъ ¹⁾).

Другой случай возстановленія тысячелѣтняго царства Христова имѣлъ мѣсто въ Мюнстерѣ. Иоаннъ Бухгольдъ, сначала портной по ремеслу, потомъ содержатель гостиницы въ Лейденѣ, подъ вліяніемъ проповѣди булочника Матѳіа, фанатика—анабаптиста, мечтавшаго о возстановленіи царства Христова и написавшаго даже книгу объ этомъ, осенью 1543 г. перешелъ въ анабаптизмъ и сдѣлался горячимъ приверженцемъ новаго ученія. Оба они занялись приисканіемъ мѣста удобнаго для возстановленія царства Христова, и выборъ ихъ палъ на Мюнстерѣ. Здѣсь Иоаннъ Бухгольдъ, прозванный пророкомъ Лейденскимъ, нашелъ себѣ горячаго послѣдователя въ лицѣ богатаго суканщика и, женившись на его дочери, рѣшилъ фактически осуществить свое ученіе въ Мюнстерѣ. Своею пламенною рѣчью онъ увлекъ за собою жителей этого города и особенно женщинъ. Экстазы, видѣнія, пророчества, откровенія свыше—были обыкновеннымъ явленіемъ, сопровождавшимъ его проповѣдь, и воображеніе черни было экзальтировано до неистовства. Почувствовавъ подъ собой почву, онъ сталъ проповѣдывать о возстановленіи въ Мюнстерѣ тысячелѣтняго царства Христова, и всѣ несогласные съ нимъ были изгнаны изъ города. Повинуясь яко-бы волѣ Неба, Иоаннъ Лейденскій торжественно короновался, провозгласивъ себя царемъ возстановленнаго царства Сіона. На высокомъ тронѣ, который былъ поставленъ на срединѣ площади, съ короной на головѣ, со скипетромъ въ рукахъ онъ принималъ царскія почести отъ своихъ подданныхъ. Дѣйствія царя возстановленнаго царства Сіона начались съ того, что приказано было всѣ движимыя имущества снести въ царскій дворецъ, гдѣ Иоаннъ Лейденскій распоряжался ими всецѣло. Съ семейнымъ бытомъ поступили такъ же, какъ и съ собственностью: полигамія была возведена въ божественный принципъ. Дворецъ царя былъ обставленъ съ неслыханной роскошью; его облаченіе и одежда его семнадцати царицъ блистали золотомъ и драгоценными камнями. Царь Сіона показывался не иначе, какъ въ сопровожденіи почетныхъ

1) Еп. Алексій 9—12, 17 стр.

лицъ, пажей и стражей, роскошь которыхъ напоминала деспотическія монархіи Востока. Гордость и тиранія здѣсь не знали предѣловъ. Самый незначительный протестъ, самый ничтожный признакъ сопротивленія были наказываемы смертію и царь Сіона находилъ удовольствіе въ томъ, что время отъ времени самъ рубилъ головы виновнымъ. Въ Мюнстерѣ совершались всевозможныя неистовства: всѣ книги за исключеніемъ Библии были сожжены, исчезли послѣдніе слѣды социальнаго порядка. Коммунизмъ достигъ своего крайняго развитія, анархія, насилія и смѣшеніе половъ царили во всей своей силѣ. Но сатурналии эти продолжались недолго. Въ 1535 г. Мюнстеръ былъ осажденъ войсками и взятъ, и Іоаннъ Лейденскій, подвергнутый предварительной жестокой пыткѣ, былъ обезглавленъ на мѣстѣ, гдѣ онъ впервые взшелъ на царскій тронъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, хилиазмъ, возникшій на почвѣ анабаптистскихъ движеній, сопровождался такими же проявленіями революціоннаго фанатизма, какъ и въ эпоху гуситскихъ движеній.

V.

Въ XVII в. хилиастическія явленія обнаруживаются въ Англии въ періодъ происходившей тамъ упорной борьбы партій религиозныхъ и политическихъ. Въ этой борьбѣ церковныя и политическія элементы были перепутаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ, такъ что одинъ нельзя отдѣлать отъ другихъ. Каждая религиозная партія имѣла свой политическій идеалъ, каждая политическая партія—свой церковный идеалъ.

Съ 1644 г. среди пуританской партіи индепендентовъ стало развиваться мистическое направленіе, которое рядомъ съ св. Писаніемъ выдвигало Духъ, какъ найвысшій авторитетъ. Начатки этого движенія замѣтны уже у Милитона, который ставилъ внутреннее слово св. Духа выше внѣшняго слова, и въ пролагавшемъ себѣ дорогу великомъ переворотѣ того времени видѣлъ исполненіе извѣстныхъ пророчествъ (Ис. XI, 9). «Вотъ, говорилъ Милитонъ, настало время, когда Богъ наполнить землю своимъ

¹⁾ Тамъ же, 28—33 с. Робертс. и Герц. 621 с. 1711 с.

познаниемъ, въ буряхъ времени истинная община Божія изъ дня въ день процвѣтаетъ все славнѣе. Направленіе это особенно усилилось послѣ одержанныхъ Кромвелемъ съ помощью своихъ желѣзныхъ рыцарей побѣдъ, которыя были въ тоже время побѣдами индпендентовъ. На мѣсто «вѣрующихъ», какъ называли себя индпенденты прежде, теперь выступали «святые». По примѣру войскъ Кромвеля, не знавшаго никакого другого названія, это названіе сдѣлалось господствующимъ для цѣлой партіи.¹⁾ «Святые» поддерживали огонь своего религіознаго возбужденія непосредственно св. Писаніемъ. Прообразомъ для нихъ были ветхозавѣтные поборники Бога; подобно имъ, они вѣрили, что имѣютъ возможность также получать божественное откровеніе. Рѣчи и сочиненія этихъ «святыхъ» начинались указаніемъ на непосредственно бывшее имъ откровеніе: «я имѣю сказать вамъ слово отъ Господа» — «такъ говоритъ Господь черезъ меня», обыкновенно заявляли ихъ проповѣдники. Требованіе непосредственнаго общенія Духа было предъявляемо не только проповѣдникамъ, но и вообще считалась несомнѣнною только та вѣра, которая, подобно тому, какъ это было съ великимъ Апостоломъ, открывалась прямо съ неба.

При такомъ настроеніи стала развиваться и апокалипсическая мечтательность. У всѣхъ, такъ называемыхъ, «свидѣтелей Духа» скоро явилось общее сознаніе, что наступилъ конецъ времени и Господь близокъ. Многія сочиненія этого времени заканчивались словами: «гряди Господи Иисусе, гряди скоро!» Самъ Кромвель возвѣщалъ близкое пришествіе Господа, имѣвшее завершить періодъ бурныхъ волненій.¹⁾

Естественно, что въ эту эпоху религіозныхъ смятеній въ Англіи появилось много новыхъ сектъ, которыя пышно произростали на почвѣ возбужденнаго въ глубинѣ духа народнаго. Такихъ сектъ насчитывалось до 40, хотя правда, различіе многихъ изъ нихъ сводилось къ простымъ оттѣнкамъ мнѣній. Среди возникшихъ въ это время сектъ были и секты хилиастическаго характера. Такъ,

1) Робертс. Герн. 1170 с.

1) Татъ-же 998 и 1171 стр.

рядомъ съ левеллерами (уравнителями), которые стремились къ полному политическому равенству и къ неограниченной свободѣ религіи, и эрастianaми, стремившимся къ полному подчиненію церкви государству, встречаются: «люди пятой монархіи» (приверженцы пятой Даниловой монархіи) и хилиасты. ¹⁾

Въ концѣ XVII в. хилиастическія идеи развиваются на почвѣ движеній пѣтистическихъ, глубоко взволновавшихъ протестантскій міръ.

Пѣтизмъ возникъ, какъ реакція противъ сухости и безжизненности протестантской ортодоксіи, и представлялъ жизненное религіозно-практическое направленіе, стремившееся къ дѣятельному христіанскому благочестію. Своимъ исключительнымъ обращеніемъ къ внутренней духовной жизни человѣка пѣтизмъ содѣйствовалъ пробужденію мистическаго настроенія и тѣмъ открывалъ дверь хилиастической мечтательности. Но хилиазмъ, возникшій на почвѣ пѣтизма, утратилъ прежній грубый, чувственный характеръ, и подвергшись обработкѣ протестантскихъ богослововъ пѣтистовъ, развился въ болѣе тонкой формѣ.

Самъ Шпенеръ, основатель пѣтизма, хотя и говорилъ, что подъ влияніемъ школы Данигауера онъ получилъ антипатію къ этому ученію, однако, до самаго конца своей жизни онъ не чуждъ былъ ученія, хотя и тонкаго, о хилиазмѣ.

Послѣдователи же его твердо держались этого ученія, которое вошло въ догматику галльскихъ богослововъ, и открыто высказывали его, ожидая лучшихъ временъ церкви Христовой и уча о какомъ-то Vortriumpf (т. е. славною состояніи на землѣ), который нѣкогда будетъ пережить святымъ народомъ Всевышняго. ²⁾

Въ первой половинѣ XVIII в. много содѣйствовалъ оживленію хилиастическихъ представленій своими работами по истолкованію св. писанія знаменитый вюртембергскій богословъ, основатель дѣлаго направленія въ толкованіи Писанія, I. А. Бенгель. Въ 1740 г. онъ издалъ свое толкованіе на Откровеніе, которое получило широкое распространеніе и было переведено на многіе языки. Въ слѣ-

¹⁾ Тамъ-же 996 стр.

²⁾ Нечаевъ. Пѣтизмъ и его историч. знач. Москва 1873 г. 94 с.

дующемъ 1741 г. появилось новое его сочиненіе «Ordo temporum», въ которомъ Бенгель путемъ цѣлой сложной системы чиселъ пытается опредѣлить годъ кончины міра и приходитъ къ выводу, что это будетъ 1836-й годъ.

Въ основу своей системы Бенгель положилъ священное число семь. Протяженіе времени бытія міра отъ его сотворенія до послѣдняго суда Бенгель считаетъ въ $7777\frac{7}{8}$ лѣтъ. По мнѣнію Бенгеля, отъ начала міра до Рождества Христова, по Діонисіевой эрѣ, протекло неровныхъ 3943 года, а до дѣйствительнаго года рожденія Христа 3940. Вычитая 3943 или полныхъ 3942 года изъ 7777 или, правильнѣе, изъ 7778, получимъ полную сумму новозавѣтнаго времени въ 3836 лѣтъ. Отъ этого числа Бенгель отбрасываетъ двѣ тысячи лѣтъ, которыя онъ назначаетъ для тысячелѣтняго царства, и приходитъ къ выводу, что теперешнее состояніе міра должно было окончиться въ 1836 году. Вопреки другимъ хиліастамъ, Бенгель полагалъ, что промежутокъ между концомъ настоящаго состоянія и днемъ всеобщаго суда будетъ продолжаться не одну, а двѣ тысячи лѣтъ, такъ какъ, по его мнѣнію, тысяча лѣтъ, въ теченіе которой связанъ будетъ сатана (Апок. 20, 1—3), не совпадаетъ съ тою тысячею лѣтъ, когда на землѣ будутъ владычествовать святые (Апок. 20, 4—6), а предшествуетъ ей, при чемъ краткое время разрѣшенія сатаны падаетъ на начало второй тысячи. Что касается до антихриста, то по мнѣнію Бенгеля, владычество его въ мірѣ началось съ Гильдебрандта. Но кромѣ того, онъ полагалъ, что явится еще послѣдній антихристъ, и именно въ 1831—1836 г.г. Погибель Рима онъ относилъ къ 1833 г., а судъ надъ звѣремъ и лжепророкомъ къ 1836 г. Изъ всѣхъ ученыхъ работъ Бенгеля апокалипсическія его сочиненія наиболѣе широко распространились и проникли въ нѣмецкій народъ.

О системѣ вычисленій Бенгеля должно сказать, что она совершенно произвольна. Не удивительно поэтому, что она нисколько не оправдалась и время показало вполнѣ ея несостоятельность, такъ какъ въ 1836 году ожидаемой Бенгелемъ перемѣны въ состояніи міра не произошло, и вообще ничего особеннаго на случилось. Самъ Бенгель сознавался, что если 1836-й годъ пройдетъ безъ замѣтной перемѣны, то это будетъ главнымъ недостаткомъ

въ его системѣ. Теперь почти всѣми вообще признается, что апокалипсическая система Бенгеля ошибочна, хотя и въ этомъ отношеніи онъ обнаружилъ рѣдкія дарованія, высказавъ по предложеніямъ многое такое, что впоследствии оказалось вѣрнымъ.¹⁾

Кромѣ Бенгеля (1687—1752), хилиастическихъ возрѣній держался современникъ его, богословъ пѣтистъ Іоакхимъ Лянгенъ (1670—1744 г.)

Отъ Бенгеля, какъ выдающагося богослова, оставившаго послѣ себя цѣлую школу, идетъ рядъ протестантскихъ богослововъ чрезъ весь XIX в. и даже до нашего времени, которые придерживаются хилиастическихъ возрѣній и проводятъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Таковы: Оберленъ (1824—1864), Лянге (1802—1884), Гофманъ (1810—1877), Лютардъ (1824 г.), Вернеръ, Гушке, Рооръ, Греве и др.

ПО ОКРУГУ.¹⁾

(Штрихи и наброски изъ духовнаго быта).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

IV.

Агаѣя Гавриловна давно уже ждала Иліодора Трифоновича. Она нѣсколько разъ выбѣгала на улицу и всматривалась по дорогѣ на базарную площадь—не покажется ли мужъ? Наконецъ узнавъ его по походкѣ и черному башлыку, она вбѣжала въ сѣни, мигомъ поставила самоваръ и снова вышла къ воротамъ на встрѣчу мужу «ну, что тамъ? отчего вы, Иліодоръ Трифоновичъ (Бѣдковская всегда такъ называла мужа), такъ долго ходили? развѣ о. благочиннаго дома не было? Я ужъ думала, что вы зашли къ куму, Викентію Ивановичу!...—А что? вѣрно-по округу! Вотъ-горе-то! и на старости лѣтъ нѣтъ покою! да еще холода да вьюги такіе,—того и гляди,—

¹⁾ Бѣляевъ. О безбожій и антихристѣ. 1. т. Сергіевъ Посадъ. 1898 г. 950—952 с. Робертс. и Герц. 1101 стр.

¹⁾ См. „Полт. Еп. Вѣд.“ 1911 г., №№ 24—25.

пропадете гдѣ въ полѣ ни-за-что, ни-про-что!..) какъ снѣгъ на голову, сыпались вопросы и восклицанія Агаѳіи Гавриловны.—А Иліодоръ Трифоновичъ не слышалъ ихъ и, не обращая на жену никакого вниманія, степенно вошелъ въ хату. Страхнувъ съ башлыка и пальто снѣгъ и обмеля вѣникомъ у порога сапоги, онъ сосредоточенно повѣсилъ на деревянномъ крючкѣ, вбитомъ въ стѣну, свою сумку, развѣсилъ на двухъ ухватахъ, подставленныхъ къ печкѣ, пальто, башлыкъ и шапку, снялъ мокрые сапоги и положилъ ихъ подъ печкой, обулся въ опорки и въ одной поддевкѣ грузно сѣлъ за столъ, на ветхій деревянный «диванчикъ». — «По округу, Гаша, по округу! Что-жь? это-моя служба!» не безъ скрытой горечи и явливой ироніи надъ собой проговорилъ, наконецъ, разсылной.— «Да... все-таки... заработаю что-нибудь»...—продолжалъ онъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собой,—«а-то-вотъ-и дровъ немного ужъ осталось, и мука на исходѣ, и сапогъ у Ваньки нѣтъ, да и прочаго-много чего нѣтъ, а тутъ еще долги: въ лавку и плотникамъ за починку еще осе-нью сарая... Печалиться нечего... нужно радоваться, что Господь-то заработокъ посылаетъ! что на печкѣ вадятся?! належаться-то еще успѣемъ и... въ могилѣ, а пока ноги служить, пусть работаютъ!.. Дороги по округу извѣстны и вдоль и поперекъ! хныкать, значить, нечего!»—успокаивалъ жену Иліодоръ Трифоновичъ и, вспомнивъ что-то, вдругъ схватился съ дивана и сталъ шарить по карманамъ: „Нужно, Гаша, этотъ узелокъ до завтра спрятать въ сундукъ»,—сказалъ онъ, отдавая женѣ деньги.— «Много?»— потряхивая и какъ-бы по вѣсу желая опредѣлить заключающуюся въ узелкѣ сумму, спросила Агаѳія Гавриловна: «Вотъ, еслибы это были наши!—воскликнула она, запирая сундукъ.—«Сколько есть, столько и будетъ,»—уклончиво отвѣтилъ мужъ и серьезно добавилъ;—«нечего на чужое зариться и попусту ляпать языкомъ! давай—ка скорѣе твою... чаю: мнѣ завтра съ пѣтухами нужно подниматься въ дорогу—вотъ что!..» Помолчавъ немного, онъ, какъ-бы про себя, проговорилъ: «По мѣстечку-то я уже сегодня разнесъ, а вотъ, еслибы Господь помогъ, по округу справиться благополучно!» Перекрестившись, Иліодоръ Трифоновичъ налилъ въ блюдечко, съ изображеніями Исаакіевскаго собора, жидкаго,

мутнаго чая. Взявши его въ растопыренные пальцы правой руки и дуя на горячую жидкость, онъ и сталъ небольшими плотками отпивать ее, то отгрызая отъ небольшого грязнаго хусячка сахару, то откусывая отъ чернаго, какъ земля, комтя ржаного хлѣба. «Гаша! губери со стола эту коптилку: она только воняетъ тутъ!..» — сердито проворчалъ онъ: — «вишь, стекло то какъ задымилось!..» Агаѳія Гавриловна молча взяла со стола маленькую, изъ зеленаго стекла, грязную и закоптившуюся лампочку и поставила ее на карнизъ печки. По жесту мужа, она налила ему еще стаканъ чая изъ грязнаго, позеленѣвшаго и отъ времени изуродованнаго бусовара, похожаго на раснумѣвшагося дискалѣченнаго инвалида, стоящаго, какъ на посту, у порога, на пропаленномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ табуретѣ. «Куда-жь это запропастился Петька? — окрикнулъ сразсыльной жену. — Петька давно на печкѣ: пришелъ, весь мокрый, въ снѣгу, посинѣлый, такъ я его пожурила, пожурила, да и отослала на печку!.. Дуня-такъ-га, какъ только вы ушли къ доблагочинному, какъ слегла на лежанку, такъ и не встаетъ: лежитъ, какъ въ огнѣ, горячая, горячая така!» — печально заявила мать, глазами указывая по направленію къ «лежанкѣ». «Что-же у нея?» — востропенулся Илюдоръ Трифоновичъ: — «Должно быть простудилась, весь день бѣгая на дворѣ? завтра посмотришь, какъ будетъ?..» — придетъ, можетъ быть, позвать къ ней Сергѣя Ивановича, фельдшера, пусть тово поглядитъ на нее!» — наставительно сказалъ онъ женѣ: — «Вотъ — бѣда! еще болѣзни не доставало! — грустно заключилъ онъ и, мгновенно потерявъ аппетитъ къ чаю, отодвинулъ пустой стаканъ и подошелъ къ дочери. — «Да, горячая!» — проговорилъ онъ и, какъ — бы въ раздумьи, прибавилъ: — «ну, да Богъ дастъ, проспится и тово!..» — завтра встанетъ здорова!.. А теперь, матка, стели и мнѣ постель: меня тоже что-то ломитъ и ко сну клонитъ!» — зѣвая во весь ротъ и судорожно сдвинувъ плечами, обратился онъ къ женѣ, стоящей среди хаты подбоченясь, съ выраженіемъ тупой покорности ко всему!.. Пока Агаѳія Гавриловна на широкой деревянной кровати, во многихъ мѣстахъ, точно уколами шила, побитой тлей, взбивала тощую перину и такія-же головныя подушки въ ситцевыхъ цвѣтныхъ наволокахъ, Илюдоръ

Трифоновичъ, ставъ передъ столомъ, противъ божницы, началъ вечернія молитвы. Истоиво крестясь, часто и низко кланяясь и время отъ времени умильно взглядывая на потемнѣвшіе лики св. иконъ и крестя не вовремя раздѣвавшійся ротъ, онъ молился полугромко, то повышая голосъ до крика, то понижая его до едва слышнаго шепота, и едва изрѣдка строго посматривалъ то на кровать, то на маленькое заиндивѣлое окно. Продолжая молитву, онъ началъ постепенно раздѣваться: снялъ съ шеи залоснившійся, мягкій, лиловый сатиновый платочекъ, котормь, вмѣсто галстука, всегда подвизывалъ широкій воротъ рубахи изъ грубаго холста, посмотрѣлъ на него противъ свѣта, встряхнулъ и повѣсилъ на спинку кровати; затѣмъ сталъ растегивать частыя пуговицы поддевки и, сбросивъ ее, посмотрѣлъ на изнанку ворота, встряхнулъ и повѣсилъ туда-же. Окончивъ молитву, Иліодоръ Трифоновичъ обернулся къ дверямъ и оградилъ ихъ широкимъ крестомъ, покрестилъ всѣ три окна и себѣ: ноздри и уши. Снявъ мильтоновые, въ нѣсколькихъ мѣстахъ заллатанные, «невыразимые», встряхнулъ ихъ и повѣсилъ на кровать, поверхъ поддевки, такъ что издали казалось, что человекъ перегнулся черезъ спинку кровати. Отбросилъ въ сторону опорки и покрестивъ постель, громко читая: «Огради мя, Господи...», Иліодоръ Трифоновичъ грузно, какъ-то со всего размаху, — точно кто бросилъ его, кинулся на кровать, натягивая на себя какія-то разноцвѣтныя, по мѣстамъ съ высунувшейся ватой, лохмотья, носившія почему-то названіе «одѣяла». Подъ тяжестью старика жалобно заскрипѣла ветхая распатавшаяся кровать...
 Агаѳія Гавриловна, присѣвъ на корточки, напилась на табуретѣ, подлѣ самовара, чаю и напоила имъ двухъ, неспавшихъ еще малютокъ. Уложивъ дѣтей, она еще долго не ложилась и все копалась то возлѣ чайной посуды, то возлѣ печки, накладывая въ нее дровъ, чтобы «чуть-свѣтъ» приготовить мужу завтракъ. Вынеся «Лыскѣ» помой, чтобы та «лучше даяла, и не ушла куда со двора», она даже присѣла и «часокъ» попряла на веретенѣ... Подъ жужжанье веретена мысли ея одна за другой, вереницей, наплывали и все вертѣлись, какъ пряжа вокругъ веретена, около Иліодора Трифоновича. О себѣ

она почти не думала. — «Что она?» — она «совершенно простая женщина», привыкла къ разнымъ невздамъ и къ физическому труду. Другое дѣло — Иліодоръ Трифоновичъ! — думала она: — „Онъ священническаго роду, съизмальства привыкъ къ извѣстной роскоши, а теперь, подь старость, приходится ему ломать себя, отказывать себѣ во многомъ, трудиться, какъ поденщикъ, и, главное — эта должность разсылного! — какъ она не нравится ей! какъ она, Агаѳія Гавриловна, всякій разъ переволнуется, пока мужъ ходитъ по округу. — А.. ничего не подблаетъ! отказать нельзя: пономарскіе доходы, извѣстно, какіе! — кто-не-кто дастъ хлѣбъ на требѣ и развѣ двадцатый или сотый ткнетъ гривеникъ какой! Только и дохода, что-за звонъ по умершимъ, да 20 рублей жалованья отъ церкви, да соберешь съ прихода десятокъ — другой пудовъ зерна! — вотъ и все! а жить надо, одѣться, обуться, прокормиться самимъ и дѣтямъ нужно! Какія были крохи, и тѣ пораструсили на покупку хаты и усадьбы въ $\frac{1}{4}$ десятины. Горько жить на бѣломъ свѣтѣ малымъ людемъ!» съ горечью заключила она. — Въ параллель съ этими мыслями въ голову Бѣдковской напрашивались и радужныя воспоминанія о быломъ ихъ житьѣ — бытьѣ... Когда мужъ ея былъ псаломщикомъ, «тогда» они, казалось ей теперь, «все-таки особой нужды не терпѣли ни въ чемъ. «Тогда» у нихъ «была и лошадка и коровка»; «тогда» имъ «можно было и птицу держать и даже прикормить поросенка къ Рождеству»; тогда они «жили въ церковной квартирѣ, пользовались $8\frac{1}{4}$ десятинами руги, получали съ каждаго рубля по 25 копѣекъ и имѣли: панихидный хлѣбъ, сахаръ, медъ, воскъ со свѣчей, платочки. Тогда, бывало, поѣздить Иліодоръ Трифоновичъ осенью за «роковымъ», и-чего-чего только ни навезетъ: и зерна всякаго, и масла, и шерсти, и яицъ, и куръ, и конопди, и капуста, и бураковъ, и гарбузовъ. Правда, онъ тогда былъ какъ-то словоохотливѣе и умѣлъ всякаго расположить въ свою пользу: тому, бывало, ласковое слово или шутку какую скажетъ, другому дастъ покурить, съ тѣмъ чарку-другую выпьетъ... Особенно любили его бабы за ребятъ, которыхъ онъ всегда ласкалъ, хвалилъ и баловалъ конфектами. Извѣстно, каждая мать за свое дитя готова все отдать!.. И.. давали, давали тогда всего, нечего и Бога гнѣвить!

Славнее тогда житье было, что и говорить! Тогда, должно быть, съ жиру появились даже грѣшныя мысли о гонимости! А теперь?.. — за гордость и довольство Господь послалъ униженіе и лишеніе! Но... кому отъ того легче, что уволили Илюдора Трифоновича? — недоумѣвала она: «Не все равно другой-на его мѣстѣ такъ-же плохо, а можетъ быть, еще и хуже читаетъ и... пользуется довольствомъ, какого лишились» они «ни за-что, ни про-что». Илюдоръ Трифоновичъ, но крайней мѣрѣ, жилъ и живетъ трезво, аккуратно, а другіе псаломщики и пьютъ, и буняютъ, и распутствуютъ, какъ воть и Грибовскій, Савелій Панкратовичъ чего, чего не продѣлываетъ! — И воть же служить, всѣ по своимъ мѣстамъ, а тамой?».. Эти мысли, какъ ножомъ, рѣзали сердце бѣдной женщины. Она, наконецъ, не выдержала и сначала всхлипывала, утирая грубымъ рукавомъ сорочки свои воспаленные отъ частаго плача глаза. «Не падутъ эти слезы на камень», — почти вслухъ причитала она, — «а упадутъ на голову того, кто обижаетъ бѣдняковъ!»..

Господи! упокой его душу! — набожно произнесла она, вставая изъ-за гребня, и осѣняя себя крестомъ. — Помолитесь со слезами Богу, Агаѳія Гавриловна нѣсколько успокоилась, нашла вѣрникъ и подмела хату, въ простотѣ сердца вѣря, какъ и другіе простые люди, что «ночью ангелы Божій ходятъ по хатѣ, такъ-чтобъ ноженькамъ ихъ было чисто ходить!».. Снявъ «очипокъ» и распустивъ полусѣдную косу, она намочила волосы бураковымъ квасомъ и стала у порога расчесывать ихъ сперва гребенкой, а потомъ — частымъ гребешкомъ.

Послышался съ «печи» болѣзненный не-то плачь, не-то стонъ больной дѣвочки: «Мамо! пить! мамо! пить!».. Агаѳія Гавриловна зачерпнула чайной чашкой воды изъ стоявшей на табуретѣ, подлѣ посуднаго шкафика, макотры и подала дѣвочкѣ.

Ощувавъ пылавшій огнемъ лобъ ее, она скорбно проговорила: «горячая, горячая!.. еще горячѣе стала!» «Мамо! мамо! ой, ма-мо!» вдругъ, какъ бы не своимъ голосомъ, закричала больная, дрожа всѣмъ тѣломъ: «свонь! нечто-то страшное, страшное, лохматое такое выглянуло изъ-за кровати!».. показываетъ мнѣ языкъ и прозить пальцемъ.. Пойдемъ, мамка, отсюда! пойдемъ домой!.. Воятъ Ози-

ринскіе мальчики гонятся за мной.. съ кулаками... хотятъ меня бить!.. Спрячь, спрячь меня!.. Скорѣй! Ой, мамо! мамо! ма-а-мо!!!» на яву бредила больная, прильнувъ своимъ худенькимъ горячимъ тѣльцемъ къ груди растерявшейся матери. „Господь съ тобой, Дуняша! Господь съ тобой!.. Смотри,—тамъ никого нѣтъ!.. то папка одежду развѣшалъ!.. Чужой никто сюда не придетъ: теперь ночь!.. сѣни заперты!.. лягъ, спи!.. вотъ и я подлѣ тебя лягу, только «свѣтло» погашу!“! крестя, прижимала мать, какъ грудное дитя, свою 8-ми лѣтнюю Дуняшу и, когда та снова заснула у нея на рукахъ, положила ее на постель и, потушивъ лампу, полѣзла на «печь»...

«Охо—хо—хо! Боже нашъ, Боже нашъ! прости и помилуй насъ, грѣшныхъ!»!—набожно простоналъ въ полу-снѣ пономарь, и черезъ нѣкоторое время раздался по хатѣ, погруженной во мракъ, громкій и протяжный храпъ...

Быль пятый часъ утра, когда возлѣ топившейся печи кипѣлъ знакомый уже читателямъ самоваръ. Хозяйка набирала разливной ложкой изъ небольшой макотры жидкое тѣсто, лила его на горячую сковороду, смазанную масломъ, и, подержавъ нѣкоторое время на огнѣ, вынимала изъ печи нѣсколько толстыхъ, подрумяненныхъ, ноздреватыхъ оладьевъ. Пока готовился завтракъ, старикъ, не спѣша, собирался въ путь. Покряхтѣвъ немного, онъ всталъ съ кровати, надѣлъ опорки, вложилъ въ сапоги, просохшіе за ночь, «устилки» изъ свѣжей соломы, налилъ въ «черепокъ» рыбаго жиру пополамъ съ растопленнымъ свиннымъ саломъ и, бережно вмокая въ жидкость клочекъ пакли, принялся за смазку сапогъ. Окончивъ эту процедуру, Илюдоръ Трифионовичъ сталъ надъ лоханью и началъ умываться, набирая въ ротъ воды и медленной струей выпуская ее въ пригоршни; снялъ висѣвшее на крючкѣ, «у кочергъ», сомнительной чистоты полотенце и тщательно вытерся имъ. Перебѣнивъ бѣлье, надѣлъ новый костюмъ и сапоги и сталъ предъ иконами въ молитвенной позѣ... Продолжая во время молитвы свой туалетъ, онъ застегивалъ пиджакъ, расчесывалъ волосы съ проборокъ на боку и бороду. Время отъ времени осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, не безъ удовольствія посматривалъ онъ и на дымившуюся на

на столѣ, въ мискѣ, гору горячихъ оладьевъ, аппетитно щекотавшихъ его довольно чуткій носъ.

Основательно позавтракавъ и запивъ двумя стаканами жидкаго чаю «безъ сахара», Илюдоръ Трифоновичъ велѣлъ женѣ подать „узелокъ» съ деньгами и, истово перекрестившись, сталъ одѣвать пальто, подпоясываясь неизмѣннымъ поясомъ, бывшимъ въ лучшія времена надежды на «санъ» зеленымъ, а теперь ставшимъ какимъ-то безцвѣтнымъ. Насунувъ на уши сѣрую изъ поддѣльнаго барашка шапку и нахлобучивъ на нее башлыкъ, онъ ловкимъ движеніемъ руки перекинулъ черезъ плечо сумку съ благочинническими бумагами, взялъ («въ кочергахъ» толстую суковатую палку, вынулъ изъ за-капелка рукавицы и сказалъ женѣ нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ: «Ну, Агаѣюшка, оставайся съ Богомъ! прощай! да береги дѣтей, особенно, Дуняшу!» «Присѣвъ на дорогу», разсылной неторопливыми шагами, точно нехотя, вышелъ изъ теплой, родной избы...

Агаѣя Гавриловна напутствовала мужа традиціоннымъ: «Богъ въ помощь! берегите себя въ дорогѣ!» и... рукавомъ заношенной демикитоновой кофты утерла скатившуюся слезу. Это была не слеза только обычной идилліи разставанья любящихъ другъ-друга супруговъ; не сентиментальность только женская или напускная грусть исторгла ее. Нѣтъ!—это была капля тѣхъ, часто незримыхъ, слезъ, какія неотступно давятъ, жгутъ и рѣжутъ разбитое жизнью сердце обездоленнаго, изстрадавшагося въ непосильной борьбѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба, бѣдняка, видѣвшаго когда-то и лучшіе дни. Это была капля накипи, какая, какъ бы изъ kloкочущаго сосуда, охваченнаго со всѣхъ сторонъ пламенемъ, льется изъ глубины мятущейся души, опаляемой огнемъ разныхъ чувствованій и пожеланій. Тутъ было все: и сожалѣніе, и раскаяніе, и злоба, и самоосужденіе, и зависть, и боязнь за свое будущее, но не было одного, не было самоотверженнаго терпѣнія, что и служило, такъ сказать, желобкомъ для слезъ, такъ часто проливаемыхъ Агаѣей Гавриловной. Накинувъ на плечи теплый черкасиновый платокъ, она проводила своего «кормильца» за ворота и, слѣдуя за нимъ глазами, постояла тамъ, пока онъ не скрылся за поворотомъ улицы.

Какъ скучно и долго для Агаеи Гавриловны потянутся дни ожиданій и безпокойства за благополучіе мужа, каждый можетъ судить себѣ, если ему, хоть разъ въ жизни, приходилось провожать въ долгій и небезопасный путь близкаго любимаго человѣка! Оставимъ «съ Богомъ», читатель, и мы Агаею Гавриловну, какъ оставилъ ее мужъ, и поспѣшимъ за Иліодоромъ Трифоновичемъ, тѣмъ болѣе, что его старческія ноги и при хожденіи по округу такъ-же быстры, какъ скоры и гибки при лазаньи на высокую колокольню.

(продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Совѣтъ Полтавскаго Отдѣленія Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ симъ объявляетъ, что въ Полтавскомъ Училищѣ слѣпыхъ дѣвочекъ имѣется нѣсколько бесплатныхъ вакансій. Въ Училище принимаются дѣвочки—уроженки Полтавской губ. въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ, совершенно слѣпыя на оба, глаза не имѣющія, кромѣ слѣпоты, никакихъ другихъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ. Прошенія о приѣмѣ дѣвочекъ въ Училище съ приложеніемъ метрической выписи о рожденіи и свидѣтельства врача о полной на оба глаза слѣпотѣ и неизлечимости физическихъ и умственныхъ недостатковъ надлежитъ подавать на имя Совѣта до 15 августа 1912 г.

Вышла въ свѣтъ новая книга

„НАДЪ ЕВАНГЕЛІЕМЪ“

Епископа Михаила (Трибановскаго).

Книгу можно приобрести въ Полтавѣ: въ редакціи Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ книжномъ магазинѣ **Г. И. Маркевича** (бульваръ Котляревскаго) и въ книжномъ складѣ св. Макарьевскаго братства. Въ г. Симферополь—у смотрителя духовнаго училища **А. И. Леонтьева**.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Чистый доходъ отъ продажи изданія поступаетъ, согласно волѣ почившаго архипастыря, на образованіе фонда для приобретенія религиозно-нравственныхъ брошюръ и листковъ, для бесплатной раздачи народу во время чтенія акаѳистовъ въ Симферопольскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

Г. ПОЛТАВА.

Со Среды 25 Апрѣля с. г.

НАЗНАЧАЕТСЯ

ЛИКВИДАЦІЯ

КУПЛЕННАГО

СУКОННО-МАНУФАКТУРНАГО ТОВАРА

— вѣ магазинѣ бывшаго —

Л. Н. Чечулина,

противъ памятника Котляревскаго, уголь Котляревской и Петровской улицы, вѣ домѣ Костенко.

На всѣ имѣющіеся вѣ магазинѣ
товары СКИДКА

15%.

1—1

СОДЕРЖАНІЕ: I. Съѣздъ представителей братствъ Полтавской епархіи.—
II. Нѣсколько словъ о духовной литературѣ для народа.—III. Чинъ встрѣ-
чи преосвященныхъ архіереевъ при посвященіи ими церквей—IV. Краткій
историческій очеркъ хиліазма.—V. По округу.—VI. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { *В. Терлецкій.*
В. Конопатовъ.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 1 Юля 1912 года.

Полтава, электрич. типографія Г. И. МАРЦЕВИЧА.

Л. ПОТОВА

Д И К В И Д А Ш И В

КАПЕЛНАТО

ВАКОНО-МАНАФРАКЦИОНАТО ТОВАРА

Л. А. Родина

ПРОТИВЪ ИМЪНИИЯ КОТЛЕРОВСКАГО, УЛОДЪ КОТЛЕРОВОЙ И ПЕТРОВСКОЙ УЛИЦИ, ВЪ ДОМЪ КОТЛЕРОВОЙ, КЪ МЯСНИЦЕ БЫВШЕГО

НА ВСЕ ИМЪНИИЕ КЪ МЯСНИЦЕ ТОВАРЫ С К И Д А

1 — 1

ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА А. И. КОСЫГОВА

ПОДЪРЖАНІЕ: I. Очеркъ предисловія въ исторіи литературы о духовной литературе в России. — II. Религия в исторіи литературы. — III. Религия в литературе. — IV. Религия в исторіи литературы. — V. По окрестности. — VI. Организация исторіи литературы. — VII. Организация исторіи литературы.

Религия, преподавание семинарии: В. Кононовъ

Исторія литературы, лекція, декабрь 1912 года

Полтва, электр. типографія Т. И. МАКЕЕВИЧА

